DOI 10.24412/2686-7702-2023-4-39-52

Особенности «китайского» суверенитета и эволюция подходов к нему руководства страны в контексте глобализации

Петухин Леонид Андреевич[1]
Скворцова Елизавета Михайловна[2]

[1] МГИМО МИД России
[2] Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей и эволюции восприятия суверенитета Китаем в контексте текущего изменения баланса между глобализацией и суверенитетом в соответствии с моделью маятника. Цель настоящего исследования – рассмотреть отличия китайской концепции суверенитета от европейской и выявить современные тенденции подхода КНР к этому понятию. В теоретической части работы кратко описана история происхождения и развития идеи суверенитета и отмечена опасность прямого переноса западных терминов на китайскую реальность. Далее анализируется трансформация китайских подходов к суверенитету в исторической перспективе. Отмечается, что наиболее активное развитие этой концепции начинается после образования Нового Китая. В рамках практической части статьи авторы обращаются к китайским источникам, рассматривая программные речи руководителей КНР – доклады Ху Цзиньтао в 2012 г. и Си Цзиньпина в 2017-м и 2022 г. Анализ общих аспектов и характерных различий этих выступлений позволил выделить основные тенденции восприятия суверенитета правительством КНР за последние 15 лет. Отмечается особая значимость дальнейшего исследования суверенитета в условиях текущей международной напряжённости и подчёркивается необходимость понимания исторического и современного китайского подхода к суверенитету для успешной реализации внешней политики России.

Ключевые слова: Китай, суверенитет, глобализация.

Авторы:

Петухин Леонид Андреевич, магистр международных отношений МГИМО (У) МИД РФ (адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, 76). ORCID: 0009-0001-9312-0874. E-mail: pla321@yandex.ru

Скворцова Елизавета Михайловна, редактор-переводчик Центра научного мониторинга и развития, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-0816-7377. E-mail: skvortsova@iccaras.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Петухин Л.А., Скворцова Е.М. Особенности «китайского» суверенитета и эволюция подходов к нему руководства страны в контексте глобализации // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 4. С. 39–52. DOI: 10.24412/2686-7702-2023-4-p1-p2

How Chinese leaders approached the idea of sovereignty in the context of globalization

Petukhin Leonid A.[1]
Skvortsova Elizaveta M.[2]

[1] Moscow State Institute of International Relations
[2] Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article is devoted to the analysis of characteristics and evolution of China's perception of sovereignty in the context of the current change in the balance between globalization and sovereignty in accordance with the pendulum model. The purpose of this study is to consider the differences between the Chinese and European ideas of sovereignty and to identify modern trends in the PRC's approach to this concept. The theoretical part of the work briefly describes the history of the origin and development of the idea of sovereignty and notes the danger of directly transferring Western terms to Chinese reality. The authors analyze the transformation of Chinese approaches to sovereignty from a historical perspective. It is emphasized that the most active development of this concept begins after the formation of New China. The practical part of the article considers Chinese sources, namely the speeches of the leaders of the PRC – the reports of Hu Jintao in 2012 and Xi Jinping in 2017 and 2022. Based on the analysis of the common aspects and differences of these reports, the authors tried to identify the main trends and changes in the perception of sovereignty by the Chinese government over the past 15 years. The conclusion underlines the particular importance of further research on sovereignty in the context of current international tensions and emphasizes the need to understand the historical and modern Chinese approach to sovereignty for the successful implementation of Russian foreign policy.

***Keywords*:** China, sovereignty, globalization.

***Authors*:**

Petukhin Leonid A., Master of International Relations, MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (address: 76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0009-0001-9312-0874. E-mail: pla321@yandex.ru

Skvortsova Elizaveta M., Editor of the Center for Scientific Monitoring and Development, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0816-7377. E-mail: skvortsova@iccaras.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Petukhin L.A., Skvortsova E.M. (2023). Osobennosti «kitayskogo» suvereniteta i evolyutsiya podkhodov k nemu rukovodstva strany v kontekste globalizatsii [How Chinese leaders approached the idea of sovereignty in the context of globalization]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 4: 39–52. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2023-4-39-52 (In Russian).

– Life swings like a pendulum backward and forward between pain and boredom.
Артур Шопенгауэр

Сталкиваясь с многогранным и непонятным миром, человеку свойственно создавать модели, которые подчёркивают одни аспекты и игнорируют другие. Такие защитные механизмы позволяют человеческому сознанию лучше воспринимать окружающий мир и не «тонуть» в нескончаемом потоке информации.

Многим людям, даже отдалённо связанным с наукой, знаком целый ряд различных научных и не совсем моделей. К примеру, в современной политической науке стала модной апелляция к модели пассионарности по Гумилёву, выполненной в виде графика, а в китаистике широкое распространение в своё время получила модель циклов, через призму которых объясняется процесс взлёта и падения каждой династии.

Помимо «классических» моделей, получивших выражение в форме различных линий и циклов, крайне интересной в современном поляризованном мире представляется модель маятника, стремящаяся предугадать, куда глобальные тренды сдвинутся в ближайшем будущем.

Модель маятника часто используется при описании противостояния политических партий, особенно в двухпартийных политических системах (республиканцы и демократы в США, тори и либералы в Великобритании и т.д.), эволюции различных учений и теорий (реалистская и либеральная теория) и других явлений.

Иметь возможность предугадать траекторию движения маятника важно, поскольку влияние некоторых взмахов выходит далеко за пределы одного государства и воздействует на формирование политической повестки практически во всём мире.

Вслед за многими российскими и иностранными экспертами авторы данной статьи уже несколько лет наблюдают, как маятник дихотомии «глобализация – суверенитет» уверенно движется в сторону последнего, по пути меняя внутри- и внешнеполитические приоритеты государств.

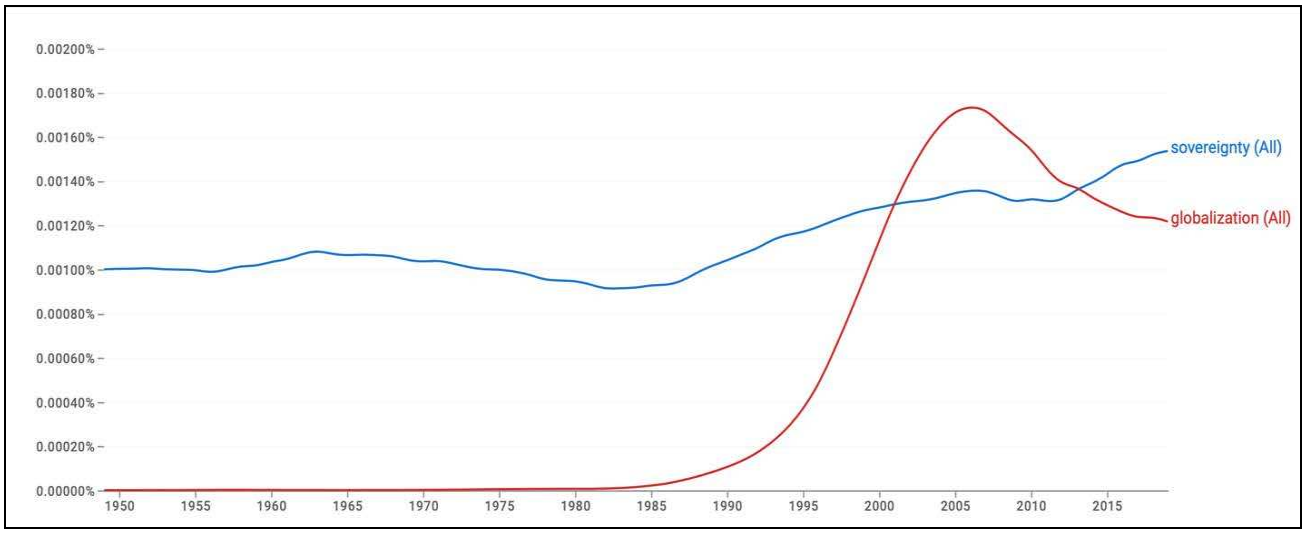


График 1. Частотность упоминания терминов «суверенитет» и «глобализация» в англоязычных источниках по данным Google Books Ngram Viewer.

Fig. 1. Frequency of mentions of terms “sovereignty” and “globalization” in English sources according to Google Books Ngram Viewer.

Суверенитет – явление сложное и неоднозначное, с другой стороны, бывает ли в науке иначе? Он особенно интересен тем, что во время кризисов различные политики (чаще правого толка) начинают активно использовать это понятие для отстаивания своего политического ви́дения.

Предмет настоящего исследования – подходы Китая, одного из главных игроков на международной арене, к суверенитету в современные неспокойные времена[1]. Цель работы – проследить, как эволюционировали подходы руководства КНР к суверенитету в промежутке от «пика» глобализации (см. График 1) до сегодняшнего дня.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить ряд задач: сопоставить «европейский» и «китайский» подходы к суверенитету, кратко описать их эволюцию, проанализировать оригинальные тексты выступлений китайских лидеров, в которых упоминается суверенитет. Однако без чётко сформулированного понятийного аппарата невозможно построение никаких определённых выводов. Поэтому первоочередная задача исследования – дать ответ на вопрос, который отделяет обычную политическую риторику от научной мысли: что мы подразумеваем под суверенитетом в Китае?

«Западный» суверенитет и его основные особенности

Суверенитет, как и многие другие понятия современной политической теории, корнями уходит в европейскую историю. В своё время существенный вклад в развитие учения о суверенитете внесли ведущие мыслители западного мира, от Аристотеля, Жана Бодена и Жан-Жака Руссо до наших современников Кеннета Уолтца и Стивена Краснера.

В этой работе мы не ставим перед собой цель проанализировать эволюцию европейского подхода к суверенитету, однако для дальнейшего сравнения с «китайским» суверенитетом предлагается под суверенитетом «европейским» понимать набор властных полномочий государства, которые обеспечивают его ведущую роль во внутренней и внешней политике и могут быть в добровольном или принудительном порядке полностью или частично ограничены в различных сферах жизни.

Отдельно стоит отметить, что исследователи по-разному интерпретируют составляющие суверенитета. Так, ведущий специалист в этой области Стивен Краснер выделяет четыре вида суверенитета: международный, вестфальский, внутренний и суверенитет взаимозависимости. Каждый вид распространяется на неограниченное количество сфер: политическую, экономическую, финансовую, военную и т.д. [Krasner 1999: 3–4].

При этом использование и перенос европейских терминов и определений так, как их понимают на Западе, на реалии Китая не рекомендуется, поскольку, как верно отмечает Каррай, «поиск в незападном опыте категорий и догм современного международного права, зародившегося и развивавшегося в Европе, может привести к ошибочным выводам» [Carrai 2019: 3].

[1] Китайские власти характеризуют современный этап как «невиданные за столетие изменения». См., например: Си Цзиньпин выступил на 25-м Петербургском международном экономическом форуме. *RG.ru*, 18.06.2022. URL: https://rg.ru/2022/06/18/si-czinpin-vystupil-na-25-m-peterburgskom-mezhdunarodnom-ekonomicheskom-forume.html; Сюй Бо. Внешнеполитическая мысль Си Цзиньпина и китайско-российское сотрудничество. *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*, 16.08.2022. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vneshnepoliticheskaya-mysl-si-tszinpina/ (дата обращения: 07.11.2023).

«Китайский» суверенитет, его происхождение и эволюция

Впервые термин «суверенитет» появился в Китае благодаря переводу работы Генри Уитона (1745–1848) «Elements of International Law», или «万国公法» (досл.: «общие законы десяти тысяч стран»), который был выполнен миссионером Уильямом А.П. Мартином.

Говорить о том, что до работ Уитона в Китае элементов суверенитета в европейском понимании не существовало, наверное, ошибочно. Китайское государство обладало властными полномочиями; династии, пока не приходила пора упадка очередной и взлёта следующей, играли ведущую роль на подвластной им территории; правда, их ви́дение «масштабов» этой территории могло отличаться от представлений других государств .

Отдельные эксперты считают, что в период Воюющих государств на территории Китая была сформирована система, схожая с современным суверенитетом [也谈... 2006]. При этом подчёркивается, что она просуществовала сравнительно недолго и была заменена даннической системой, также известной как система номинального вассалитета. Тем не менее, утверждать, что все элементы «европейского» суверенитета абсолютно чужды китайской традиции, тоже нецелесообразно[2].

Как и ожидалось, после знакомства Китая с «западным» пониманием суверенитета не произошло быстрого принятия и адаптации понятия к местным реалиям. Китай, который в течение тысячелетий существовал в рамках собственной ойкумены, основанной на конфуцианском учении, не мог принять тот факт, что какое-либо другое государство могло иметь полную автономию на своей территории. Такая автономия напрямую противоречила даннической системе, базировавшейся на идее о том, что «китайская государственность могла быть только уникальной и единственной», а не «одной из десяти тысяч стран» (万国).

Китай практически игнорировал европейское понимание суверенитета вместе с остальными западными идеями вплоть до периода Опиумных войн и насильственного открытия европейскими державами. Открытие Китая остальному миру при этом не заставило его «встроиться» в мировой порядок в европейском понимании. Было бы наивно ожидать подобного от страны с историей, в разы превосходящей по длительности историю некоторых государств-завоевателей.

В этот период Китай, руководствуясь принципами стратагемного мышления «以夷制夷», или «с помощью варваров усмирять варваров»[3], вооружился западными идеями и лексиконом и начал по-новому отстаивать свои права и интересы.

Так, князь Гун использовал новые концепции суверенитета, чтобы заставить Пруссию освободить военные корабли Дании, стоявшие в китайской гавани, и выплатить компенсацию в размере полутора тысяч долларов за нарушение морского суверенитета Китая [Carrai 2019: 65].

Вплоть до образования Нового Китая суверенитет служил двум целям: с одной стороны, использовался «Китаем-жертвой» для защиты от иностранного вторжения,

[2] Так, пять принципов мирного сосуществования, которые являются краеугольным камнем современного китайского видения суверенитета, понятны и близки европейским подходам. Подробнее об общем и разном в западных и китайских подходах к суверенитету см.: Coleman, A., Maogoto, J. (2013). “Westphalian” Meets “Eastphalian” Sovereignty: China in a Globalized World. *Asian Journal of International Law*, 3 (2): 237–269. DOI: 10.1017/S2044251313000179

[3] Впоследствии эта идея стала лозунгом поздней Цин: использовать западную науку и технологии для противодействия империалистическому вторжению.

а с другой, становился инструментом для повторного включения утраченных имперских владений в новые территории государства.

Настоящий взлёт суверенитета произойдёт уже с образованием КНР, когда «взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности» станет одним из пяти принципов мирного сосуществования, которые лягут в основу китайской внешней политики на десятилетия вперёд.

В рассматриваемый период китайские исследователи придерживались средней позиции между западной теорией абсолютного суверенитета и советской идеей об ограниченном суверенитете. Исследователи Ян Синь и Чэнь Цзянь подчёркивают, что государства могут обладать абсолютным суверенитетом только в том случае, если они не нарушают суверенитет других стран вне зависимости от уровня их политического, экономического и социального развития [Carrai 2019: 166].

Позицию, ставящую во главу угла неделимость суверенитета и невмешательство во внутренние дела как его основу, можно считать абсолютно оправданной, учитывая китайский опыт предыдущих ста лет, который в современном политическом дискурсе приобрёл название «века унижения».

Если отталкиваться от классификации Краснера, то в этот период для Китайской Народной Республики также был крайне важен международной суверенитет [Krasner 1999: 8], т.е. формальное признание государства на международной арене. По Краснеру, несмотря на то что в течение нескольких десятилетий после образования КНР Китай обладал полнотой вестфальского суверенитета, многие страны мира продолжали признавать гоминьдановское правительство в качестве законного суверена китайской территории.

Китайские эксперты того периода утверждали, что смена власти на территории одной страны, вне зависимости от её инструментов, не имеет никакого отношения к вопросам международного права и не должна служить предметом для одобрения или согласия каких-либо третьих сторон.

По мнению китайского исследователя Кун Мэна, капиталистические государства использовали вопрос признания и международного суверенитета лишь с целью «или заставить малые страны заплатить большую цену за их признание, или для противостояния социалистической идеологии» [Carrai 2019: 65].

Поэтому, вплоть до возвращения Китаю законного места в Организации Объединённых Наций (1971 г.), за которым последовало признание КНР множеством стран Запада, международный суверенитет и идея равенства западных и восточных стран превалировали в политическом дискурсе по данной проблематике.

Политика реформ и открытости, старт которой был дан на третьем пленуме ЦК КПК XI созыва, оказала существенное влияние и на вопросы суверенитета. Модернизация и активное включение Китая в мировую экономику требовали дальнейшего отказа от абсолютистского подхода к суверенитету, по мнению отдельных экспертов, сложившегося в Китае [Carrai 2019: 183].

Абсолютистский подход не предполагал передачи суверенитета ни в каких сферах, что безусловно не совпадало с политикой, начатой в 1987 г., поскольку экономическая открытость требует снижения вестфальского суверенитета, т.е. ограничения роли внешних игроков на своей территории вплоть до полного их выдавливания. Одним из главных

примеров снижения роли вестфальского суверенитета можно считать вступление Китая во Всемирную торговую организацию в декабре 2001 г.

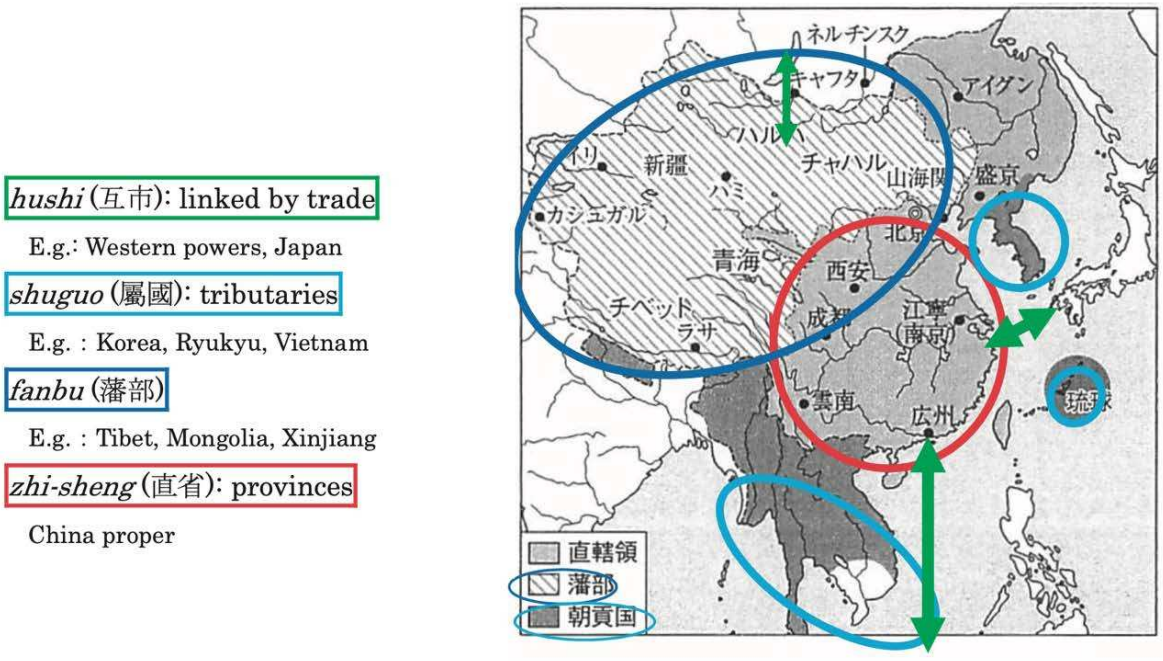
С другой стороны, в аспекте внутренней политики данный период характеризовался активным поиском решения территориальных проблем. Если в вопросах экономики можно было наблюдать некоторую эволюцию суверенитета, то в территориальных вопросах таких изменений не произошло.

По мнению руководителя программы исследований Китая и Азиатско-Тихоокеанского региона Корнеллского университета Алена Карлсона, «китайская политика сохранила статическую интерпретацию территориального суверенитета и продвигала непреклонную и всё более воинственную позицию в отношении юрисдикционного суверенитета[4]» [Carlson 2005: 3].

В контексте неизменно жёсткой позиции Китая по территориальным вопросам интересно анализировать соответствующие работы авторов не китайского происхождения. Как уже подчёркивалось, человеческому мышлению свойственно создавать модели для более простого описания действительности, однако порой они слишком искажают реальность. Вопрос суверенитета – не исключение.

Так, японский исследователь Такаши Окамото, профессор Киотского университета, утверждает, что современный подход к суверенитету корнями восходит к Цинскому периоду, и с данным тезисом поспорить сложно [Okamoto 2019: 14–15].

Однако, в своих исследованиях профессор Окамото выводит следующую модель.



Source: [Okamoto 2019: 14–15].

В соответствии с ней мы можем увидеть, что Цинскую империю с Японией не связывали никакие отношения, кроме торговых. В своей статье эксперт отмечает: «Западные страны и

[4] В международном праве под юрисдикционным суверенитетом понимается административная, судебная, исполнительная и законодательная деятельность государства. См.: Dixon, M., McCorquodale, R., & Williams, S. (2016). Cases & Materials on International Law. *Oxford: Oxford University Press*, p. 281.

Япония поддерживали с Цин отношения *хуши*. Это означает, что между правительствами не было формальных отношений, а была только местная торговля. Начиная со второй половины XIX в. эти отношения в целом превратились в связи, основанные на договорах. Эти страны вступили в дипломатические отношения с Китаем на сравнительно раннем этапе».

Несмотря на то, что такая модель безусловно упрощает восприятие китайского подхода к суверенитету, с ней сложно согласиться. Япония в рамках системы номинального вассалитета безусловно попадала в китайскую ойкумену. Один из выдающихся российских китаистов В.А. Корсун пишет, что цинский Китай воспринимал Японию как вассала и именно поражение от Японии в 1895 г. нанесло сокрушительный удар по китайской даннической системе [Корсун 2022: 118]. Представляется, что если бы Японию и цинский Китай соединяли исключительно торговые отношения, то таких результатов бы не последовало.

Рассуждая об эволюции представлений о суверенитете в современном Китае, российский исследователь О.А. Тимофеев также выделяет четыре разных территориальных подхода: исторический, не включающий в себя территорию Синьцзяна, Тибета и Северо-Востока Китая; территорию КНР без Тайваня; «Большой Китай», включающий Тайвань, Пескадорские острова, а также острова Цзиньмэнь и Мацзу; и «Большой Китай» как ареал проживания китайских диаспор [Тимофеев 2011]. Вопрос влияния столь различных оценок на актуальные подходы современного Китая к пониманию территориального суверенитета остаётся открытым.

«Китайский» суверенитет сегодня

Современный Китай, как отмечают западные исследователи, превратился из реципиента западных понятий суверенитета в его активного участника и новатора. Хорошим примером деятельного участия государства в формировании современных подходов к суверенитету является китайская позиция по дихотомии «суверенитет vs. права человека».

Если в середине XX в. отдельные китайские учёные рассматривали Организацию Объединённых Наций как «империалистический инструмент, используемый Соединёнными Штатами для вмешательства и препятствования национальному суверенитету меньших и более слабых государств» [Carrai 2019: 174], то уже в 2006 г. Китай внёс существенный вклад в создание Совета по правам человека ООН.

Несмотря на то, что Китай как и прежде продолжает придерживаться позиции, что суверенитет превалирует над правами человека, он всё же согласился на периодические проверки состояния прав человека на своей территории, тем самым показав, что страна готова к кооперации даже по самым чувствительным вопросам, непосредственно затрагивающим её суверенитет.

При этом некоторые западные специалисты уверены, что основной целью Китая в вопросах прав человека является размывание повестки в угоду своим политическим интересам. Так, Каррай пишет: «суверенитет по-прежнему понимается и используется Китаем контекстуально и инструментально для обслуживания своих национальных интересов, которые сегодня включают его стремление стать глобальной державой» [Carrai 2019: 223].

Как бы то ни было, проблематика суверенитета продолжает оставаться крайне важной для развития КНР как на текущем этапе, так и в будущем. Примечательно, что магистерская диссертация главного идеолога партии, ныне Председателя Народного политического консультативного совета Китая Ван Хунина посвящена именно вопросу суверенитета.

Стоит подчеркнуть, что в процессе работы над проблематикой восприятия суверенитета Китаем особенно важно обратиться к китайским источникам, дабы не стать, по ёмкой характеристике В.М. Алексеева, «писателем о Китае», т.е. человеком, изучающим Китай, но при этом не владеющим китайским языком [Круглый стол… 2022].

Анализ китайских источников позволяет сделать интересный вывод: подходы к суверенитету продолжают эволюционировать даже в пределах «современного» периода.

Интересно, что одну из первых таких перемен в подходе к понятию суверенитета можно проследить уже в начале существования Нового Китая. В «Общей программе Народного политического консультативного совета Китая», принятой НПКСК 29 сентября 1949 г. за два дня до образования КНР, суверенитет в первую очередь упоминается в контексте функционирования Народно-освободительной армии Китая: «Задача этих вооружённых сил — защищать независимость, территориальную целостность и суверенитет Китая, а также защищать революционные завоевания и все законные права и интересы китайского народа»[5]. Обращение к суверенитету в контексте внешней политики Китая вторично по отношению к приведённой статье.

Однако уже в первой Конституции КНР 1954 года происходит смена приоритетов: понятие суверенитета возникает уже в преамбуле в контексте установления дипломатических отношений, успешным примером которых служат отношения КНР с СССР[6]. И лишь далее, в 20-й статье он упоминается в контексте функционирования вооружённых сил государства. Подобная смена и трансформация приоритетов происходит и сейчас.

Особый интерес в этом отношении представляет анализ упоминания суверенитета в официальных докладах руководителей КНР на съездах Коммунистической партии Китая. Выступления, звучащие на этом ключевом событии внутриполитической жизни страны, обобщают её главные достижения и ставят новые задачи, тем самым определяя вектор развития государства на следующие пять лет. В рамках настоящей статьи авторы рассмотрели программные речи за последние 15 лет – доклады Ху Цзиньтао в 2012 г. и Си Цзиньпина в 2017 г. и 2022 г. Очевидно, что некоторые пункты в них схожи или даже почти полностью повторяют друг друга; тем не менее, удалось выявить и новые тенденции обращения к понятию суверенитета. Далее мы приведём краткий обзор указанных выступлений, где постараемся выделить как общие аспекты, так и характерные различия.

[5] 中国人民政治协商会议共同纲领 [Общая программа Народного политического консультативного совета Китая]. 中国人民政治协商会议全国委员会. (На кит.). URL: http://www.cppcc.gov.cn/2011/12/16/ARTI1513309181327976.shtml (дата обращения: 22.08.2023).

[6] 中华人民共和国宪法（1954年）[Конституция Китайской Народной Республики 1954 года]. 共产党员网. (На кит.). URL: https://news.12371.cn/2015/03/18/ARTI1426665514681575.shtml (дата обращения: 22.08.2023).

В докладе Ху Цзиньтао, произнесённом 8 ноября 2012 г. на XVIII съезде КПК[7] и подводящем итоги его нахождения на посту лидера партии и страны, слово «суверенитет» (主权) встречается пять раз. Первый из абзацев, где упоминается это понятие, посвящён государственной политике в области укрепления армии и усиления национальной обороны, при этом отмечено, что данный курс нацелен на защиту «государственного суверенитета, безопасности, территориальной целостности», а также обеспечение мирного развития страны.

Как и в дальнейших аналогичных речах лидеров КНР, большое внимание уделяется единству страны, проблеме Тайваня и вопросу интеграции Гонконга и Макао в централизованную систему административной власти. Здесь также звучит тезис о принципе защиты государственного суверенитета, безопасности и интересов развития, которого придерживается центральное правительство в отношении Гонконга и Макао. Далее Ху Цзиньтао отмечает, что, несмотря на то что материковый Китай и Тайвань пока не объединены, обе стороны пролива принадлежат одному Китаю, а территория и суверенитет страны неделимы.

В заключительной части доклада Ху Цзиньтао затрагивает тему текущего состояния международных отношений. Здесь можно выделить два важных, на наш взгляд, момента. Во-первых, в отличие от последующих докладов, которые будут более подробно проанализированы ниже, в речи Ху Цзиньтао понятие суверенитета встречается в контексте прямой отсылки к Уставу ООН. Председатель КНР подчёркивает, что страна выступает за доверие, равноправие и взаимовыгодное сотрудничество между государствами, а также намерена способствовать демократизации международных отношений, «уважать суверенитет» и содействовать миру и стабильности во всём мире. Последний абзац, где упоминается суверенитет, выдержан в характерной для китайской дипломатии риторике: отмечается, что КНР следует по пути мирного развития, отстаивает принципы независимой и самостоятельной внешней политики, а также будет «решительно защищать государственный суверенитет, безопасность и интересы развития», несмотря на все препятствия со стороны внешних сил.

Значительное изменение в расстановке акцентов можно наблюдать в прозвучавшем спустя пять лет – 18 октября 2017 г. – докладе Си Цзиньпина XIX съезду КПК[8]. Характерно, что первое упоминание суверенитета в этом выступлении встречается в контексте выдвинутой Си концепции «китайской мечты». Отмечая важность сохранения социалистического строя и руководства КПК для достижения этой цели, председатель КНР использует формулировку, которую мы уже видели в докладе Ху Цзиньтао. Он подчёркивает необходимость «сознательно защищать государственный суверенитет, безопасность и интересы развития», а также решительно противостоять всем попыткам «расколоть страну, подорвать национальное единство и гармонию в обществе».

---

[7] 胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告 [Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК]. 人民网. (На кит.). URL: http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html (дата обращения: 04.09.2023).

[8] 习近平：决胜全面建成小康社会 夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利——在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин: Одержать решительную победу во всестороннем построении среднезажиточного общества. Добиться великой победы социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Доклад Си Цзиньпина на XIX съезде КПК]. 中华人民共和国中央人民政府. (На кит.). URL: https://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm (дата обращения: 04.09.2023).

Следующий абзац с упоминанием суверенитета посвящён концепции национальной безопасности. Здесь Си Цзиньпин говорит о важности защиты всех видов безопасности, входящих в это понятие: безопасности внешней и внутренней, территориальной и национальной, традиционной и нетрадиционной, частной и коллективной, завершая этот пункт стандартной формулировкой о суверенитете, безопасности и интересах развития.

Последние же разделы посвящены вопросам Тайваня, Гонконга и Макао. Си Цзиньпин подчёркивает важность реализации принципа «одна страна, две системы» для достижения долгосрочной стабильности и процветания Гонконга и Макао и призывает КПК работать для улучшения жизни населения этих САР и исполнения своей конституционной обязанности защищать государственный суверенитет, безопасность и интересы развития. К проблеме Тайваня Си Цзиньпин подходит значительно жёстче, чем пять лет назад в своём докладе Ху Цзиньтао. Здесь отмечается готовность решительно защищать суверенитет и территориальную целостность страны, противостоять любым сепаратистским действиям, направленным на достижение независимости Тайваня, а завершается абзац восклицательным предложением о том, что Китай никому и никогда не позволит отделить «ни кусочка от своей территории».

Таким образом, обращение к суверенитету встречается в этой речи четыре раза. Интересно, что поиск по иероглифам 主权 выдаёт шесть его упоминаний в докладе, однако в двух случаях он используется не самостоятельно, а как составная часть понятия 自主权 – автономия, самоуправление. В этих пунктах Си Цзиньпин говорит о важности продолжения реформы системы государственных органов и предоставления бóльшей автономии местным правительствам на уровне провинций и ниже. Большой абзац также посвящён стремлению Китая наращивать открытость внешнему миру, продвигать строительство инициативы «Один пояс, один путь» и предоставить экспериментальным ЗСТ бóльшую автономию в проведении реформ.

Наконец, обратимся к последнему докладу – выступлению Си Цзиньпина на XX съезде КПК, сделанном 16 октября 2022 г.[9]. Суверенитет упоминается в нём шесть раз, что составляет наибольшее число из всех рассмотренных речей. Показательно, что здесь суверенитет в контексте проблемы Тайваня затрагивается гораздо раньше, чем в предыдущих докладах – практически в самом начале выступления. Подводя итоги за пять лет, прошедшие с XIX съезда, Си Цзиньпин отмечает, что за это время страна столкнулась со многими серьёзными вызовами, которые, однако, успешно преодолела: эпидемия COVID-19, беспорядки в Гонконге, а также рост тайваньского сепаратизма. Важно отметить, что здесь впервые из проанализированных нами фрагментов трёх речей упоминаются провокации извне: «Столкнувшись с сепаратистскими действиями сил, выступающих за «независимость Тайваня», и серьёзными провокациями внешних сил, вмешивающихся в дела Тайваня, мы решительно развернули борьбу против сепаратизма и (внешнего) вмешательства, продемонстрировали твёрдую решимость защищать государственный суверенитет и территориальную целостность…».

[9] 习近平：高举中国特色社会主义伟大旗帜 为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин. Высоко держать великое знамя социализма с китайской спецификой. Сплочённо бороться ради всестороннего построения модернизированного социалистического государства. Доклад Си Цзиньпина на XX съезде КПК]. 中华人民共和国中央人民政府. (На кит.). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 04.09.2023).

Следующие два пункта с упоминанием суверенитета посвящены концепции национальной безопасности и в целом схожи с аналогичным разделом прошлого доклада Си Цзиньпина. Председатель КНР отмечает эффективность борьбы с сепаратистскими и экстремистскими силами, важность обеспечения продовольственной и энергетической безопасности, безопасности цепочек производства и поставок, защиты законных прав и интересов китайских граждан за рубежом и необходимость «решительно защищать государственный суверенитет, безопасность и интересы развития».

Ещё в двух абзацах рассматривается политика усиления армии. Отмечается необходимость наращивания военной мощи страны, модернизации вооружения и техники, улучшения подготовки личного состава с целью превратить Народно-освободительную армию Китая в одну из самых совершенных и передовых армий мира. Си Цзиньпин называет НОАК «героической армией, на которую партия и народ могут положиться» и два раза подчёркивает её способность и решимость защищать государственный суверенитет, безопасность и интересы развития (в следующем абзаце – суверенитет, единство и территориальную целостность).

Последний фрагмент с упоминанием суверенитета открывается словами о том, что Китай проводит независимую и самостоятельную внешнюю политику, отстаивает международную справедливость, уважает суверенитет и территориальную целостность всех стран, а также их право независимо выбирать путь развития и общественный строй, и выступает против вмешательства внешних сил во внутренние дела других государств.

Подведём итоги. В ходе изучения и анализа трёх рассмотренных выступлений можно отметить следующие тенденции и изменения в восприятии руководством КНР понятия суверенитета за последние 15 лет:

– количество упоминаний суверенитета постепенно возрастает;

– суверенитет начинает меньше упоминаться в контексте международных отношений и равноправного взаимодействия стран на мировой арене; напротив, значительно чаще обращение к нему начинает происходить в вопросах защиты безопасности и территориальной целостности государства;

– во всех выступлениях суверенитет упоминается в связи с проблемой Тайваня. Вместе с тем очевидна тенденция последовательного нарастания жёсткости формулировок и, соответственно, перехода китайского руководства к более жёсткой и бескомпромиссной позиции по этому болезненному для КНР вопросу. В условиях текущей международной напряжённости в последнем докладе Си Цзиньпина вопрос Тайваня поднимается практически сразу, кроме того, в отличие от двух предыдущих докладов открыто упоминаются провокации со стороны внешних сил;

– нельзя не отметить и явную тенденцию к более частому упоминанию суверенитета в контексте обеспечения национальной безопасности и усиления вооружённых сил страны. Если в 2012 г. в докладе Ху Цзиньтао суверенитет прозвучал в этой связи всего один раз, то в 2022 г. на эти сферы приходится уже две трети его упоминаний.

* * *

На протяжении веков суверенитет был и остаётся одной из самых «горячих» тем как мировой, так и китайской политики. В условиях, когда маятник снова качнулся в сторону

превалирования суверенитета над глобализацией (см. График 1), его изучение как никогда важно.

Исследование проблематики суверенитета, которая затрагивает практически все сферы жизни страны и общества, позволяет нащупать самые болезненные их точки. При этом необходимо, чтобы такие исследования базировались в первую очередь на оригинальных китайских источниках, прежде всего – программных речах лидеров страны, которые задают основной вектор развития КНР на годы вперёд. Речи лидеров КНР – это лакмусовая бумажка внутренних трансформаций Китая.

Другой вопрос – как подходить к решению проблем суверенитета, периодически обостряющихся и захватывающих всё инфополе.

С одной стороны, их можно игнорировать, руководствуясь стратегией Дэн Сяопина, который был убеждён, что вопросы, которые сейчас кажутся нерешаемыми, необходимо оставить будущим поколениям, ведь они будут обладать бóльшей мудростью и бóльшими возможностями для их решения. Возможно, к таким проблемам можно отнести неразрешённые территориальные вопросы, ведь подходы к суверенитету в этой области меняются медленнее всего.

С другой стороны, некоторые вопросы можно и нужно решать сейчас, например, допуск иностранных компаний и товаров на чужие рынки, поскольку одно из очевидных достижений глобализации – формирование более гибких подходов к суверенитету торгово-экономическому.

В любом случае, при принятии подобных решений необходимо в первую очередь опираться на внимательное изучение и понимание исторического и современного китайского подхода к суверенитету, который на протяжении последних веков играет особую роль во внутренней и внешней политике Китая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Круглый стол «Китаеведение современной России: проблемы и перспективы развития» // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 7–39. DOI: 10.31857/S013128120018493-3

Корсун В.А. Империя лавирует, или как Китай включали в семью наций. М.: МГИМО-Университет, 2022. 320 с.

Тимофеев О.А. Эволюция представлений о суверенитете в современном Китае // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 52. С. 55–60.

REFERENCES

Korsun V.A. (2022). *Imperiya laviruyet, ili kak Kitay vklyuchali v sem'yu natsiy* [*The Empire maneuvers, or how China was included in the family of nations*]. Moscow: MGIMO-Universitet, 320 p. (In Russian).

Kruglyy stol "Kitayevedeniye sovremennoy Rossii: problemy i perspektivy razvitiya" [Round table "Sinology of modern Russia: problems and prospects of development"] (2022). *Problemy Dal'nego Vostoka* [*Far Eastern Studies*], 1: 7–39. (In Russian). DOI: 10.31857/S013128120018493-3

Timofeev O.A. (2011). Evolyutsiya predstavleniy o suverenitete v sovremennom Kitaye [The evolution of perceptions of sovereignty in modern China]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 52: 55–60. (In Russian).

***

Carlson A. (2005). *Unifying China, Integrating with the World: Securing Chinese Sovereignty in the Reform Era.* Stanford: Stanford University Press, 320 p.

Carrai M.A. (2019). *Sovereignty in China: A Genealogy of a Concept since 1840.* Cambridge, New York: Cambridge University Press, 284 p.

Krasner S.D. (1999). *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 269 p.

Okamoto T. (2019). China's "Territorial Sovereignty" and Its Origins. *Japan Review*, 3 (2): 13–19. DOI: 10.1353/asp.2020.0054

Sang Donghui (2006). Ye tan Chunqiu Zhanguo shiqi de zhuhouguo shifou wei zhuquan guojia [Let's discuss whether the vassal states during the Spring and Autumn Period and the Warring States Period were sovereign states]. *Guoji zhengzhi yanjiu*, 2: 137–149. (In Chinese). [桑东辉。也谈春秋战国时期的诸侯国是否为主权国家。国际政治研究。2006年。第二期。 第137–149页].

Поступила в редакцию:	23.10.2023	Received:	23 October 2023
Принята к публикации:	29.10.2023	Accepted:	29 October 2023